
ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

1.

РѢЧЬ

предъ паннихидою по Иванъ Константиновичъ Кожевниковъ, бывшемъ преподавателъ Красноярской Духовной Семинаріи.

Трудно представить, себѣ трудно вообразить, что нашего дорогого Ивана Константиновича не стало! Невозможно примириться съ мыслию, что „прекрасный добротою бездыханенъ во гробъ полагается.“ Тяжкій недугъ изнурялъ, истощалъ его силы; мы давно уже видѣли дыханье смерти на его блѣдномъ исхудаломъ лицѣ, но мы ждали и вѣрили, что онъ будетъ живъ. При извѣстїи о его смерти, я думаю, никто не хотѣлъ вѣрить, каждому казалось чѣмъ то немыслимымъ, ненужнымъ, преждевременнымъ эта смерть дорогого для насъ наставника. Думаю, что не одинъ вздохъ вырвался изъ груди у каждаго изъ насъ, не одна слеза покатила изъ отуманенныхъ очей при этомъ извѣстїи.

Да, товарищи, мы любили его, какъ только могутъ любить молодая души, и онъ заслужилъ эту любовь! Онъ заслужилъ ее цѣною собственной безпредѣльной любви къ намъ. Онъ былъ радъ отдать намъ для нашего блага все-все, что онъ имѣлъ, онъ радъ былъ отдать за насъ душу свою, онъ отдавалъ все, чего достигалъ упорнымъ, тяжелымъ трудомъ и для того, чтобъ мы знали какъ можно больше, чтобъ не оставались для насъ совершенно неизвѣстными цѣлыя громадныя отрасли человѣческаго знанія, чтобъ развивались наши молодые умы, чтобъ обогащались познаниями и крѣпили въ вѣрѣ на будущее.

Вспомните, товарищи, когда совершенно усталый онъ бывалъ у насъ въ классѣ и, не теряя ни минуты драгоцѣннаго времени, живо и увлекательно рассказывалъ намъ все, что зналъ самъ, сообщалъ намъ свои знанія. И къ концу 4-го урока онъ

уже совершенно ослабѣвалъ, голосъ его падалъ, горло пересыхало, но онъ все говорилъ, стараясь высказать какъ можно больше драгоценныхъ для насъ свѣдѣній. А что было съ нимъ дома послѣ такого труднаго занятія, какъ передача своихъ знаній другимъ, не знаю; быть можетъ, обезсиленный, онъ падалъ и засыпалъ недолгимъ, тревожнымъ сномъ, быть можетъ ему грезились молодые люди, которымъ онъ считалъ себя обязаннымъ передавать всѣ свои знанія и онъ снова начиналъ работать, чтобъ на другой день съ новой энергіей увлечь насъ смѣлыми полетами своихъ мыслей, чтобы послѣдній остатокъ духовныхъ силъ своихъ положить на пользу ближнихъ.

Но теперь? Теперь мы не увидимъ болѣе его, хотя и блѣднаго, но радостнаго лица, не услышимъ его голоса! Его бездыханный трупъ погребенъ въ чужой сторонѣ и хотя живой и радостный духъ его рѣветъ подлѣ насъ и шепчетъ намъ свои наставленія и благословенія, но поймемъ ли мы теперь слова духа, сбросившаго съ себя брвенную оболочку, какъ понимали ихъ тогда, когда онъ говорилъ съ нами въ классѣ, или когда бесѣдовалъ съ нами въ свободное время? Нельзя не сказать нѣсколько благодарныхъ словъ памяти Ивана Константиновича за его экскурсію съ нами въ Минусинскій край. Кто изъ экскурсантовъ съ благодарностью и слезами не вспомнитъ дорогого Ивана Константиновича? Кто не знаетъ, какая польза была принесена намъ этой экскурсіей? Подъ его руководствомъ мы занимались въ Минусинскомъ музеѣ, съ нимъ же мы объѣхали Минусинскія степи и изучали природу этого края. Но для насъ въ настоящую минуту важно не то, сколько мы приобрѣли отъ этой экскурсіи, сколько воспоминаніе о томъ, чѣмъ былъ для насъ Иванъ Константиновичъ! Экскурсія для Ивана Константиновича это было сознательное самопожертвованіе для нашего блага! Развѣ для его удовольствія мы ѣхали туда? Нѣтъ. Кромѣ трудовъ и лишеній, которыя онъ переносилъ, почувъ подъ открытымъ небомъ въ степи, да безконечныхъ душевныхъ волненій за насъ онъ ничего не получилъ. Да ему ничего и не нужно было. Онъ

все это дѣлалъ для насъ. Онъ свое здоровье, свою жизнь, свою душу положилъ за насъ. Онъ былъ нашимъ наставникомъ, нашимъ руководителемъ, нашимъ товарищемъ, нашимъ другомъ. Онъ сознавалъ это и для него достаточно было этого сознанія. Онъ ни отъ кого не ожидалъ, да и не хотѣлъ получать ни награды, ни похвалы. О немъ можно сказать что вся жизнь его, или, по крайней мѣрѣ, та ея часть, которую онъ провелъ въ нашей семинаріи, была осуществленіемъ евангельской заповѣди: „больше сія любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя.“

Грустно, невыразимо грустно вспомнить, что послѣдніе дни земной жизни своей онъ провелъ не среди насъ, кому отдалъ все силы свои, а среди чуждыхъ ему людей — далекая чужая сторона приняла останки его въ нѣдра свои.

Умирая, послалъ онъ послѣдній, прощальный взглядъ родному краю, родной семинаріи, роднымъ воспитанникамъ, послѣднее благословеніе и свой послѣдній завѣтъ. Вотъ что онъ писалъ не такъ давно: „На насъ, преподавателей семинаріи, возлагается обязанность располагать воспитанниковъ къ принятію священнаго сана. Но видитъ Богъ, что не ради внѣшняго исполненія этой обязанности я въ одномъ изъ своихъ писемъ указалъ на несравненное величіе пастырскаго служенія, понимаемаго въ его истинномъ, глубокомъ смыслѣ. Просто, голова кружится при одной мысли о томъ, какое громадное дѣло связывается съ пастырскимъ званіемъ, какъ много добра можно оказать людямъ на этомъ поприщѣ и съ какою чистотою можно выполнить свое человѣческое назначеніе!“ (Письмо И. К. Glion 6 17-30 іюня 1902 года). „Какъ хорошо, пишетъ онъ дальше, проникнуть во все обездоленные уголки, во все подвалы и пропасти земли, и все тайныя, душу раздирающія, драмы этихъ мѣстъ вывести на свѣтъ Божій!“ (Ibid.) Нужны ли комментаріи къ этимъ его собственнымъ словамъ? Думаю, что нѣтъ, потому что изъ нихъ видна вся его возвышенная, богато одаренная душа, не желающая мириться съ шаблон-

нымъ только и формальнымъ исполненіемъ нами предстоящихъ намъ пастырскихъ обязанностей.

Воскресимте же, дорогіе товарищи, въ своей памяти образъ незабвеннаго Ив. Константиновича! Да возбуждаетъ онъ въ душѣ нашей лучшія силы, да будетъ онъ совѣстью нашей жизни, да будетъ учителемъ нашимъ, зовущимъ насъ самоотверженно работать въ пользу нашимъ ближнимъ, на пользу всякаго добра! Пусть его образъ будетъ для насъ всегдашнимъ напоминаніемъ, сколько хорошаго можетъ сдѣлать одинъ добрый человѣкъ, и этимъ напоминаніемъ всегда поддерживается наши слабые, робкіе шаги на пути добра и служенія истинѣ Христовой.

Священникъ Іоаннъ Благодатовъ.